

и старался для своего читателя. Балагурство, поговорки, шутки перемежаются с точными описаниями народных праздников, с песнями, с рассказами об обычаях и суевериях. Множество бытовых наблюдений разбросано по этим страницам. Черты эти выглядели чрезвычайно свежо на фоне стихов Ломоносова и Сумарокова. «Но что еще я зрю, какая эта туча? Великая лежит яиц в народе куча. С пригорка покати́т веселый молодец» и т. д. (Стихи на качели).

Там же описание кулачного боя. В «Стихах на семик»: «Там сделан огород, березки все в кругу, верхушки же у них согнуты все в дугу. В середине стол стоит без скатерти поставлен» и т. д. Чулков описывает это как очевидец и участник. Майков же смотрит на народный быт сверху вниз. Он также много и верно наблюдал; ряд известных мест из «Елисея», удачно приведенных в статье В. А. Десницкого, дают точную и правдивую картину рабочего дома, тюрьмы, кабака, деревенской драки и т. д. Именно эти черты роднят Майкова с «третьесословной литературой», но его ни на минуту нельзя заподозрить в сочувствии своему герою. Майков до конца остается баринином, в хорошем настроении любующимся на потасовки, которые устраивают между собой мужики. Это очень смешно, но в конце концов надоедает. И вот Елисей отдается за свои проказы в солдаты — тоже совершенно жизненное положение. В поэме Майкова нет дворян — появление их неизбежно означало бы посрамление Елисея и тем самым конец повествования.

В. А. Десницкий считает, что Майков дает в сатирическом показе «представителей третьего сословия, образ жизни которых не соответствует формирующейся буржуазной идеологии» (стр. 59 предисловия к «Ирой-комической поэме»), что в борьбе «с недостатками и пороками третьего сословия В. Майков, напр., иногда поднимается до учительного патетического тона» (там же). Думается, что дело обстоит несколько иначе. Майков при всей своей кажущейся «третьесословности», до конца остается дворянином, и откупщик, превосходный портрет которого он рисует в поэме, для него враг. С одинаковым успехом можно считать сатирой, исправляющей нравы третьего сословия, и стих Сумарокова: «Ворам сатира то: веревка и топор».

5

Таким образом приведение к одному знаменателю Чулкова и Майкова является попыткой несостоятельной. И дело не только в несходности их биографии, не только в том, что сами они осознавали свои различия и Чулков пародировал «Елисея», а в самом характере творчества, в характере идеологии.

Сказанное может бросить известный свет и на отношения Чулкова к Сумарокову. Нападки Чулкова на Майкова, в частности, на «Елисея», были приняты Сумароковым как личная обида. В стихах Чулкова можно найти многочисленные пародии на излюбленные сумароковские жанры: